

ЭММА РУДКЕВИЧ

Я ГРУШКА
жестокого
балетмейстера.

Он заставил меня танцевать до крови!

Эмма Рудкевич

**Игрушка жестокого
балетмейстера. Он заставил
меня танцевать до крови!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Игрушка жестокого балетмейстера. Он заставил меня танцевать до крови! / Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я поступила в элитную балетную академию, чтобы исполнить мечту погибшей матери. Но Виктор Громов, жестокий наследник училища, предложил мне страшную сделку.— Твоё тело, время и эмоции принадлежат мне. Подпиши контракт или убирайся! Он заставлял меня танцевать до крови. Унижал перед всем курсом. Даже подготовил пуанты с иглами, чтобы проверить, сколько боли я выдержу. А потом я нашла фотографию матери. Пятнадцать лет назад Виктор уже сломал одну балерину. Мою маму! Теперь я знаю, почему она погибла. Он думает, что сделает меня своей послушной игрушкой. Но я стану его самой страшной ошибкой. И заставлю всю академию услышать правду.

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эмма Рудкевич

Игрушка жестокого балетмейстера.

Он заставил меня танцевать до крови!

Глава 1

Зеркальный зал пах мастикой и потом. Комиссия пила воду из одинаковых бутылочек; мне не предложили. Я стояла у станка, вцепившись пальцами в холодное дерево так, что костяшки побелели, и пыталась уговорить свои руки не дрожать. Внутри меня всё кричало: «Ешь!», но желудок был пустой ямой, высосавшей последние силы из мышц. Три дня без нормального обеда. Три дня на воде и надежде, что стипендия этой академии — мой единственный шанс вырваться из провинциальной дыры, где балет считается роскошью для тех, кто может позволить себе воздух.

— Пятая позиция, — бросил голос Виктора Громова, даже не поднимая глаз от телефона. Он сидел за длинным столом комиссии, окруженный старыми мастерами, которые смотрели на меня как на товар с браком.

— Можно воды? — спросила я. Громов перелистнул что-то в телефоне.

Я выдохнула. Втяни живот. Подними подбородок. Ты не голодная крыса. Ты лебедь.

Первый прыжок был моим спасением и моей ловушкой. Я взлетела, чувствуя, как тело отрывается от пола, но в момент приземления земля ушла из-под ног. Не метафорически — буквально. Колени занули, а вестибулярный аппарат дал сбой. Чтобы не упасть лицом в пол перед комиссией, я ударила носками о мрамор с такой силой, что боль прострелила стопу и отдалась в бедре. Я выпрямилась, улыбнувшись криво, будто это была часть хореографии.

Тишина давила на уши звонким гулом. Виктор поднял голову. Его серые глаза скользили по мне, оценивая и холодно, как хирург осматривает гнилой орган. Он ничего не сказал. Просто сделал пометку в блокноте. Эта тишина была громче любого оскорбления. Она означала: «Ты недостаточно хороша, чтобы тебя вообще замечали».

Следующий элемент — фуэте. Восемнадцать оборотов вокруг своей оси, требующие идеального баланса. Я начала разгон, чувствуя, как кровь шумит в висках от гипогликемии. И тут в зеркале я увидела движение сбоку. Екатерина Ланская проходила мимо, идеально прямая, в белых пуантах, сияющих новизной. Её локоть «случайно» задел моё плечо. Это было мягкое, почти невесомое касание, но для тела, находящегося на грани обморока, оно стало ударом кувалды.

Ритм сбился. Я потеряла центр тяжести. На двенадцатом обороте моя голова закружилась так, что мир превратился в размытое пятно. Ноги подкосились, но я не упала. Упала бы — дисквалификация. Вместо этого я продолжила крутиться, шатаясь, как пьяная кукла, выполняя технику грязно, криво, с видимым усилием воли.

Когда музыка стихла, я замерла, тяжело дыша. Пот стекал по спине холодной струйкой.

— Извини, деточка, — прошептала Катя, проходя мимо меня к выходу. Её голос был сладким, как просроченный йогурт. — Ты пахнешь бедностью. Это отвлекает.

Я сглотнула ком в горле. Спорить нельзя. Если я скажу хоть слово, они решат, что я истеричка. А истеричкам в балете нет места.

Комбинация закончилась. Мне нужно было задать вопрос о технике исполнения финального поворота — попытка вернуть контроль, показать, что я профессионал, а не жертва обстоятельств. Я шагнула к столу комиссии, чувствуя, как пол вибрирует под моими ногами.

— Господин Громов, в третьем повороте я почувствовала дисбаланс из-за... — мой голос дрогнул, предательски срываясь на визгливую ноту.

Виктор даже не моргнул. Он медленно повернулся ко мне, и его взгляд прожигал насквозь.

— Ваша техника — мусор, — сказал он ровно, без интонаций. — Вы танцуете как голодная крыса, а не как артистка. Следите за своим весом, или следите за тем, чтобы не падать в лицо публике. Свободны.

Я сцепила зубы, чтобы он не услышал, как они стучат. Я хотела возразить, сказать, что я ем достаточно, что это их система заставляет детей голодать ради статуса, но слова застряли в горле, как рыбья кость. Я просто кивнула, отвернулась и пошла прочь, чувствуя, как спина становится мокрой от стыда.

В коридоре, ведущем к раздевалкам, меня ждал Илья Репин. Ассистент балетмейстера, сын декоратора, человек с добрыми глазами и вечными красными пятнами краски на рубашке. Он сидел на скамейке, листая журнал, и когда увидел меня, его лицо изменилось. Не жалостью — он слишком умён для этого, — а узнаванием боли.

Он молча достал из рюкзака бутылку воды и половинку сэндвича с сыром. Протянул их мне.

— Пей, — тихо сказал он. — Ты сейчас упадёшь.

Внутри меня взвилась ярость. Помощь от «слабаков»? Благотворительность? Это унижение сильнее, чем слова Виктора. Принять еду — значит признать поражение. Значит стать той самой голодной крысой, которую он описал.

— Мне не нужна ваша благотворительность, — процедила я сквозь зубы, отворачиваясь.

Илья не обиделся. Он просто положил еду на скамейку рядом со мной, аккуратно, чтобы она не съехала, и ушёл, не оглядываясь. Я осталась одна с запахом сыра, который сводил меня с ума больше, чем запах пота.

Раздевалка была пуста. Все уже разошлись. Я подошла к своему шкафчику номер 42, открыла дверцу и полезла за сумкой. Там лежали мои старые пуанты. Единственное оружие против мира.

Я вытащила правый пуант и замерла.

Из узкого носка капала вода. Холодная, ледяная вода. Кто-то разлил её внутри обуви, пока я была в зале. Это был саботаж. Чей-то злой, расчетливый жест.

Когда я сжала мокрый атлас, пальцы занемели от холода. Я попыталась вылить воду, перевернув пуант вверх дном, но капли лишь стекли по внутренней поверхности, намочив стельку. Ткань стала тяжелой, деформированной. Танцевать в них невозможно — риск травмы стопы, перелом, конец карьеры.

Катя. Это была она. Но доказательств нет. Никто не видел, как она подходила к шкафчикам. Никто не верит бедной сироте против дочери спонсора.

Я посмотрела на часы. Через пять минут начинался финальный фрагмент импровизации. Обязательный этап. Отказаться — значит уйти навсегда.

Что делать?

Я схватила свои старые, потертые тапочки, которые всегда носила в качестве замены, если пуанты порвутся. Они были тонкими, почти прозрачными. В них я буду выглядеть как босоногая нищенка на балу королей. Но ноги будут сухими.

Я вышла на сцену. Зал был заполнен зрителями из числа родителей и студентов. Свет слепил. Впереди стояло огромное зеркало, отражавшее мою фигуру: бледную, худую, в рваных колготках (еще один сюрприз от судьбы) и дешевых тапочках.

Музыка заиграла. Тревожная, рваная мелодия.

Я должна была танцевать классическую вариацию. Красивую, плавную, воздушную. Но тело помнило голод. Помнило толчок Кати. Помнило слова Виктора.

Я сделала первый шаг. Не плавно, а резко, ударив пяткой в пол.

Второй. С размахом рук, будто отбиваясь от врагов.

Это был не балет. Это был танец-крик. Агрессивный, эмоционально грязный, полный ненависти и боли. Я прыгала высоко, приземляясь тяжело, с глухим стуком. Я крутилась быстро, теряя равновесие специально, чтобы показать, что мир шатается. Я вытягивала руки вперед, как будто душила кого-то.

В зале послышался шепот. Кто-то фыркнул. Кто-то ахнул.

Я видела в отражении лица комиссии. Старые мастера отводили взгляды, смущенные. Но Виктор... Виктор смотрел внимательно. Его телефон лежал на столе экраном вниз. Он не делал пометок. Он просто наблюдал.

Мои легкие горели. Сердце колотилось так, что я слышала его в ушах. Голова кружилась, но я не падала. Я танцевала свою смерть и свое рождение одновременно.

Финальная нота. Я замерла в позе, склонившись вперед, руки опущены, грудь вздымается. Тишина в зале была абсолютной. Потом кто-то начал хлопать. Один человек. Потом еще несколько. Большинство сидело с каменными лицами.

Я развернулась и пошла к кулисам, не кланяясь.

В раздевалке, в своем шкафчике, среди вещей, лежала сложенная вдвое бумага. Белая, плотная.

Я взяла её дрожащими руками. Почерк был угловатым, резким.

«Ты можешь танцевать только пока я решаю, кому это нужно. Подпиши контракт или уходи».

Ни подписи. Ни имени. Только строчки, которые переворачивали всё.

Он не отверг меня. Он не сказал «нет». Он сказал «пока». Я пыталась найти в его жестокости смысл. Может, он увидел в этом грязном, агрессивном танце потенциал для своего нового проекта — того, о котором шептались в коридорах. Проект, где нужны были не ангелы, а звери.

Но цена — полная покорность.

Я остановилась у распахнутой двери училища. Вечерний ветер бил в лицо, пробирая до костей. В руках я держала мокрый пуант и эту записку.

Свет в холле за спиной погас. Оставалась только тьма коридора. Я слышала только своё тяжелое дыхание, которое никак не могло успокоиться.

Где-то в глубине коридора, в темноте, щелкнула зажигалка. Маленький огонек вспыхнул и погас, оставив после себя запах табака и ожидания.

Виктор ждал ответа.

Глава 2

На следующий день я вернулась в гримёрку с высохшими за ночь пуантами. От лака для волос першило в горле; на столе Кати стоял нетронутый стакан кофе. Я сидела на скрипучем стуле, сжимая в руках свои пуанты — старые, потертые, но мои единственные. Пальцы дрожали не от страха перед судьями, а от голода. Завтрака у меня не было. Обед тоже. Только стакан воды из кулера в коридоре и гордость, которую я тащила за собой как тяжелый чемодан без ручек.

Екатерина Ланская появилась бесшумно, словно тень на белом мраморе. Она улыбалась той самой стерильной, отточенной до блеска улыбкой, которая обещала рай, пока ты не понял, что вход платный.

— Алиса, детка, давай я помогу тебе размяться? — её голос был сладким, как просроченная карамель. — Ты такая напряженная. Стопы нужно расслабить. Доверься мне.

Я хотела сказать «нет». Хотела встать и уйти. Но ноги гудели от усталости, и предложение звучало слишком заманчиво, чтобы быть ловушкой. Или нет? Я кивнула, подставляя ей правую ногу. Екатерина сняла с правой стопы пуант и носок. Я успела подумать, что зря протянула ей ногу. Её пальцы были холодными, почти ледяными. Она начала массировать свод стопы, и я выдохнула. Боль отступила. На секунду показалось, что мир стал добрее.

И тогда она схватила бутылку минералки, стоявшую на краю стола, и одним резким движением вылила всё содержимое прямо внутрь моего пуанта.

— А-а! — крик застрял в горле, превратившись в хрип. Она тут же натянула мокрый пуант обратно. Холод ударил по содранной коже так остро, что я инстинктивно отдернула ногу, едва не упав со стула. Вода пропитала ткань мгновенно, тяжесть пуанта стала невыносимой.

— Тссс, — Екатерина приложила палец к губам, глядя на меня сверху вниз с жалостливым презрением. — Это для твоего блага, детка. Холод держит форму. Не будь истеричкой. Тебя уже вызывают.

Она была права. Голос администратора эхом долетел из зала: «Алиса, следующая!» Я посмотрела на свои мокрые, тяжелые туфли. Внутри них плескалась вода, смешанная с чем-то еще. Когда я поправила пуант на ноге, кожа на пальцах ног заныла от странного, щиплющего ощущения. Соль. Она сыпанула соль. Чтобы усилить боль. Чтобы сломать меня здесь, в четырех стенах, прежде чем я успею сделать первый шаг.

Выход на сцену был похож на погружение в болото. Мраморный пол репетиционного зала блестел под софитами, отражая моё искаженное лицо в огромных зеркалах. Я чувствовала себя клоуном в мокром костюме. Виктор Громов сидел в третьем ряду, скрестив руки на груди. Его темные глаза казались пустыми колодцами, в которых не было ни капли сострадания. Он даже не повернулся ко мне. Просто молча кивнул, давая отмашку музыке.

Первые ноты фортепиано ударили в уши, но реальность пришла позже. Шаг. Первый пируэт. Мой носок коснулся мрамора, и внутри пуанта вспыхнуло пламя. Соль, растворенная в холодной воде, вьелась в микротрещины на коже, вызывая жжение такой силы, что перед глазами поплыли темные пятна.

Техника рушилась. Баланс исчез. Моё тело, привыкшее слушаться команд мозга, начало предавать его. Каждое движение стоило крика, который я заглатывала вместе с воздухом. Движения стали дергаными, ломаными. Я танцевала не балет, а агонию.

На середине вариации, во время сложного связующего элемента, мокрый носок скользнул по гладкому камню. Я потеряла опору. Мир перевернулся. Удар о мрамор выбил воздух из легких. Колени пробили тонкую ткань колготок, впиваясь в твердую поверхность. Тишина в зале стала оглушающей. Из-за кулис донесся сдавленный смешок. Екатерина. Она знала. Она ждала этого падения.

Я лежала на полу, чувствуя, как горячая кровь начинает сочиться из разбитых коленей, пачкая колготки над мокрыми пуантами. Боль была такой яркой, такой чистой, что она затмила стыд. Я не чувствовала унижения. Я чувствовала звериную, первобытную ярость. Как загнанная мышь, которая вдруг поняла, что капкан можно грызть.

Медленно, игнорируя стонущие суставы, я поднялась. Колено кровоточило, оставляя на белом мраморе красную дорожку. Я не стала ждать разрешения. Под музыку, которая все еще играла, я продолжила танец. Оставшуюся часть партии я исполняла через силу, превращая падение в часть импровизации. Это выглядело некрасиво, грязно, жалко. Но это было моё.

Музыка стихла. Я стояла посреди зала, тяжело дыша, наблюдая, как капли крови падают на белый пол. Воздух свистел в ушах.

Шаги. Мягкие, осторожные. Илья Репин вышел из тени бокового крыла. В его глазах читалась тревога, граничащая с ужасом. Он нес полотенце и бутылку воды, протягивая их мне, пытаюсь закрыть собой от взглядов других студентов, которые начинали шептаться на галерее.

— Алиса, возьми, пожалуйста... — его голос дрожал.

Но прежде чем я успела коснуться ткани, путь ему преградил Виктор. Он не толкнул Илью. Просто сделал шаг вперед, блокируя пространство своим телом, и жестом, властным и окончательным, приказал ассистенту отойти. Илья замер. Его плечи опустились, взгляд метнулся в пол, виноватый и бессильный. Он отступил во тьму, оставив меня одну против мира.

Я поняла: здесь нет места жалости. Здесь есть только власть.

Виктор подошел вплотную. Его запах — дорогой парфюм, табак и холод — окутал меня. Он не критиковал технику. Не говорил о том, что я упала или что моя форма была испорчена. Он взял мой подбородок двумя пальцами, заставляя посмотреть ему в глаза. Его хватка была железной, но не болезненной.

— Ты танцуешь как мышь в капкане, — прошептал он тихо, почти ласково, так, что слышала только я. — Красиво бьешься, но бесполезно. Если ты хочешь выжить в этом училище, научись использовать боль как инструмент, а не как врага.

Моя гордость трещала по швам, грозя рассыпаться в пыль. Мне хотелось ударить его. Хотелось закричать, что я не игрушка. Но слова Виктора попали в точку, пробивая броню моего самоуважения. Мой «чистый» танец, свободный от боли, был слабым. Он был красивым, но мертвым. А то, что происходило сейчас, было живым, хоть и страшным.

Я отбила его руку, но не сделала шаг назад. Я осталась на месте, глядя ему в лицо сквозь слезы, которые не имели права упасть.

— Хорошо, — сказала я. Голос сорвался, но слово было четким. — Я соглашаюсь. Не ради роли. Ради того, чтобы перестать быть жертвой.

Виктор чуть заметно улыбнулся уголком рта. Это не была победа. Это была сделка с дьяволом, подписанная кровью моих коленей. Он развернулся и ушел, растворяясь в тенях залов, оставляя после себя запах контроля.

Екатерина вышла из-за кулис, когда тишина стала невыносимой. Она смотрела на мои окровавленные колени с удовлетворением хищника, насытившегося добычей.

— Бедняжка, — её голос звенел фальшивой заботой, достаточно громко, чтобы слышали все присутствующие студенты. — Ты явно не в состоянии идти пешком. Давай я вызову тебе такси? Отвезу домой. Тебе нужен уход, Алиса. Ты же инвалидка, верно?

Это был финальный гвоздь в крышку гроба моего достоинства. Публичное унижение. Показ всем, что я — сломанная вещь, нуждающаяся в опеке сильнейших.

Я посмотрела на неё. Прямо в глаза под аккуратно покрашенными ресницами. Медленно, демонстративно, я присела. Мои пальцы, дрожащие от холода и шока, нащарили завязки пуантов. Я стянула их прямо на мраморном полу, оставляя внутри кровавые следы. Ткань шлепнулась на камень.

Затем я встала. Босиком. По холодному, покрытому пылью и солью мрамору. Каждый шаг был агонией, каждый контакт стопы с полом напоминал о предательстве. Но я шла медленно, глядя Екатерине в глаза, не отводя взора. Я не сяду в её машину. Пусть хотя бы этот путь до раздевалки останется моим. Я прошла мимо неё, не произнеся ни слова, ощущая спиной её растерянность. Это не должно было работать. Жертвы всегда благодарят за помощь.

Раздевалка встретила меня гулким эхом. Я села на скамейку, чувствуя, как ноги начинают неметь. Моя сумка лежала открытой на столе. Кто-то рылся в ней. Сердце пропустило удар, но страха не было. Только усталость.

Поверх моих грязных вещей лежала сложенная записка. Почерк был резким, угловатым.

«Контракт подписан твоим падением. Завтра в 6 утра. Не опоздай. — В.»

Я взяла бумагу, чувствуя, как кончики пальцев цепляются за размокший край. Но рядом с запиской лежало другое. Маленький пакетик из аптеки. Пластырь, обезболивающий гель и влажные салфетки. К чеку была прижата записка: «Сначала промой. Гель — только на целую кожу». Писал тот, кто купил это. Я узнала аккуратные, круглые буквы Ильи. Он оставил это анонимно, боясь попасться на глаза Виктору.

Двойственность ситуации ударила меня сильнее, чем падение. Виктор дал мне цепь. Илья дал ключ. Оба использовали мою слабость, оба видели во мне объект для своих экспериментов.

Я вскрыла тюбик с гелем. Сначала салфетками убрала соль, промыла ссадины водой. Гель нанесла вокруг воспалённых коленей, не касаясь ран. Боль не исчезла, она просто притупилась, став терпимым фоном для новых планов. Я осторожно смазала кожу вокруг натёртых пальцев ног, чувствуя, как пульсирующая агония сменяется странным, тихим облегчением.

Впервые за этот день я улыбнулась. Не широко, а уголками губ, горько и опасно. Я представила завтрашний день. Восход солнца. Пустой зал. И мои собственные сломанные ноги, которые теперь были не просто инструментом пытки, а оружием. Война началась. И у меня было преимущество: я уже знала вкус крови на языке.

Глава 3

До общежития оставалось несколько коридоров. От голода я уже не могла вспомнить, где свернуть; держалась ближе к стене, чтобы было на что опереться. Я шла по коридору закули-сь, чувствуя, как мир плывет перед глазами. Пальцы онемели от холода, ноги стали ватными, чужими. В голове билась только одна мысль: дойти до общежития. Просто дойти. Но тело предавало меня быстрее, чем я успевала осознать поражение.

Мои колени подогнулись. Я не упала в обморок — сознание было слишком живым, слишком острым. Я просто остановилась, упершись спиной в стену рядом с мусорными баками за кулисами. Запах гнилых фруктов и мокрой картошки ударил в нос, но желудок свело так сильно, что этот запах показался мне ароматом рая. Рядом с баком лежали недоеденные булочки, выбросила их Екатерина после репетиции. Они были свежими, мягкими, пахли корицей и богатством.

Бери, — командовал живот.

Нет, — визжала гордость.

Я посмотрела на свои руки, дрожащие, как осиновый лист. Если я возьму эту еду, я стану той самой бродяжкой, на которую смотрят с презрением. Но если я не возьму, через час я потеряю сознание прямо посреди холла, и Виктор увидит это. А он ненавидел слабость больше, чем голод.

Я присела на корточки, подцепила пальцами одну булочку. Она была теплой. Я откусила кусок, не пережевывая, давясь крошками. Соль на губах смешалась со сладостью теста. Это было отвратительно. И это было спасение.

— Алиса?

Голос Ильи прозвучал тихо, почти неуверенно. Я замерла, крошка застряла в горле. Подняла глаза. Он стоял в тени колонны, держа в руках стопку нотных листов. Его лицо выражало то невыносимое сочувствие, которое сейчас было хуже любой насмешки. Он видел всё. Видел, как я ела из мусора. Видел слезы, которые я не протирала, потому что боялась показаться жалкой.

Вместо стыда внутри поднялась злая, колючая волна. Не просить. Никогда не просить. Особенно его.

Я медленно вытерла рот рукавом своей старой куртки, оставляя жирное темное пятно на ткани. Посмотрела ему прямо в глаза, игнорируя протянутую руку помощи.

— Ты ошибся адресом, Репин, — хрипло сказала я, вставая. Колени хрустнули, но я держала спину ровно. — Здесь нет ничего интересного для тех, кто привык к чистым тарелкам.

Илья отшатнулся, будто я ударила его. В его глазах мелькнула растерянность. Он привык быть спасателем, тем, кто дает надежду. А тут надежда отвергла его, предпочтя грязь и унижение ради силы. Я прошла мимо него, не оглядываясь. Шаг был тяжелым, но твердым. Я не жертва обстоятельств. Я игрок, который выбирает поле битвы сам.

Кабинет Виктора находился в конце длинного коридора, освещенного тусклыми лампами. Дверь была закрыта. Красный огонек электронного замка мигнул, подтверждая: код сменился. После инцидента с солью в пуантах Виктор перестал доверять системе безопасности или просто хотел убедиться, что я не войду легко.

Верхняя фрамуга между кабинетом и коридором была приоткрыта. Я заметила её ещё днём, когда проходила мимо. За дверью — контракт, о котором он написал. Уйти, не прочитав условий, я не могла. Гибкость балерины — это не только про танец. Это про способность складываться пополам там, где другие ломаются.

Я осмотрелась. Коридор пуст. Только эхо моих шагов и гул трансформаторов где-то высоко. Окно фрамуги над дверью было узким, не больше сорока сантиметров. Для обычного человека — непроходимый барьер. Для меня — вызов.

Я сняла обувь, оставив босые ступни на холодном линолеуме. Почувствовала каждый нерв. Подтащила скамью от стены. С неё дотянулась до рамы и подтянулась, прижимая локти к бокам. Ткань формы трещала, царапая кожу на предплечьях, но я не останавливалась. Голова прошла первой, потом плечи. Ощущение сдавливания воздуха в легких было паническим, клаустрофобным. Я выдохнула, когда тело скользнуло внутрь, и упала на пол кабинета с глухим стуком.

Тишина здесь была другой. Пахло дорогим парфюмом с нотами сандала и чего-то металлического, похожего на кровь. Или на чернила. Кабинет был погружен в полумрак, свет проникал только через щели в жалюзи, разрезая пространство на полосы.

На столе, идеально ровном и чистом, лежала бумага. Контракт. Рядом — дорогая ручка с золотым пером.

Я подошла, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Текст был набран мелким шрифтом, сухим и безжалостным.

«Ты принадлежишь моему видению. Твои тело, время и эмоции — мой инструмент. Любое неповиновение означает немедленное исключение из училища без возврата стипендии».

Я читала вслух, проверяя каждое слово на ловушку. Глаза скользили по пунктам, пока не наткнулись на пункт 7: Конфиденциальность.

«Информация о данной сделке не подлежит разглашению третьим лицам, включая сотрудников училища и других студентов. Нарушение данного пункта является основанием для расторжения контракта по инициативе Работодателя».

Холодок пробежал по спине. Это была изоляция, замаскированная под защиту информации. Виктор заранее просчитал мою связь с Ильей. Он знал, что Илья — моя точка опоры, мой голос рассудка. И теперь этот контракт запрещал мне говорить с ним правду. Я должна была молчать, улыбаясь, когда он будет спрашивать, почему я ночами не сплю, почему я вздрагиваю от любого резкого звука. Он отрезал мне крылья дружбы, чтобы я летела только в его клетке.

Рука потянулась к ручке. Черная сталь, холодная и тяжелая. Мысли метались, как птицы в клетке. «Ты станешь шлюхой для искусства», — шептал внутренний голос. «Без этого контракта ты умрешь с голоду через неделю», — отвечал разум.

Вдруг звук шагов в коридоре. Не быстрые шаги охранника, а медленные, уверенные, каблучки. Знакомый ритм.

Екатерина.

Она остановилась прямо у двери. Я услышала ее дыхание через щель. Она подслушивала. Ждала. Она хотела увидеть слезы, дрожь, капитуляцию. Ей нужно было знать, что она сломила меня морально раньше, чем физически. Если я подпишу сейчас, показав страх, она победит. Если я буду колебаться, она решит, что я слаба и не стою внимания.

Выбор был между «подписать с достоинством» и «не подписать вообще». Второе означало смерть мечты. Первое означало жизнь в аду, но на моих условиях.

Я услышала короткие сигналы набранного кода. Дверь скрипнула. Екатерина вошла, даже не постучав. На ней было идеальное платье цвета шампанского, волосы уложены в сложный узел. Улыбка хищницы, которая загнала добычу в угол.

— Тебе тяжело, детка? — спросила она сладко, оглядывая кабинет. Ее взгляд упал на мои порванные колготки и следы пыли на щеке. — Может, попросить папу дать тебе денег вместо этих грязных игр? Он бы купил тебе нормальную одежду. Хотя... какая разница, что на тебе, если все знают, как ты добралась сюда?

Я посмотрела ей прямо в глаза. Никакой ярости. Никакой паники. Только ледяное спокойствие.

Она ждала ответа. Ждала оправданий. Ждала слез.

Я взяла ручку. Медленно, нарочито спокойно, проверила перо. Екатерина напряглась, ожидая, что я выброшу бумагу в мусор. Что я крикну ей в лицо правду.

Вместо этого я поставила подпись. Аккуратно, каллиграфически красиво, как в маминих тетрадях, буквы которых я копировала в детстве. Ни единого дрожащего штриха. Я положила контракт ровно посередине стола, демонстрируя, что приняла решение хладнокровно, как бизнесвумен заключает сделку, а не как испуганная девочка.

Екатерина открыла рот, но я улыбнулась ей прежде, чем она успела заговорить. Подпись лежала между нами. Раз меня нельзя отговорить — хотя бы слёз она сегодня не получит.

Она фыркнула, развернулась и вышла, хлопнув дверью. Но я видела, как дрогнуло её плечо. Я нанесла первый удар. Не физический. Психологический.

Обратно лезть через фрамугу я не стала: после Екатерины дверь не защёлкнулась. Обулась в коридоре, вернула скамью к стене. Когда я наконец оказалась в коридоре общежития, чувство облегчения от подписанной бумаги оказалось ложным. Оно длилось ровно две минуты.

Я вспомнила, что оставила свою сумку в раздевалке. В ней были аптечный пакет и записка с временем тренировки. Я побежала туда, игнорируя боль в ногах.

Сумка висела на крючке. Я засунула руку в боковой карман. Пальцы наткнулись на новую записку. Свернутую трубочкой.

Сердце пропустило удар. Я развернула записку. Почерк Виктора был другим, более небрежным, угловатым, словно написанным в спешке или в гневе.

«Подпись ничего не значит без действия. Первый тест: сегодня ночью ты будешь танцевать в пустом зале босиком. Один аккорд до рассвета. Отказ — аннулирование стипендии».

Ветер из открытого окна сорвал последние остатки моего спокойствия. Сделка оказалась не защитой. Не спасением. Это был вход в более опасную игру. Виктор не хотел меня «купить». Он хотел проверить мою преданность идее любой ценой. Он хотел увидеть, готова ли я идти на самоубийство ради искусства.

Надежда на стабильность рухнула, но на ее месте вспыхнуло что-то новое. Темное. Горячее.

Я посмотрела на свои ладони, все еще пахнувшие чернилами и чужим презрением. Сегодня ночью мне нужно будет танцевать боль. И самое страшное было не то, что я соглашусь. А то, что внутри меня уже шевелилось что-то темное и голодное, которое хотело посмотреть, каково это — быть инструментом в руках бога, который ненавидит людей.

Глава 4

Часы на стене танцевального зала №1 показывали два ночи, но для меня время остановилось в тот момент, когда я переступила порог.

Воздух здесь был другим. Холодным, стерильным, пахнущим мраморной пылью и одиночеством. Обычные репетиции — это шум, смех, скрип пуантов, чьи-то советы. А сейчас зал дышал только мной. И тишиной, которая давила на барабанные перепонки сильнее любой музыки.

Старые пуанты я положила у стены: задание было босиком. Мои ноги гудели. Не просто болели — они ныли изнутри, как будто кто-то вывернул суставы наружу. Соль, которую Екатерина подсыпала в мои старые пуанты днем, въелась в кожу так глубоко, что теперь каждый шаг ощущался как хождение по битому стеклу. Я сжала зубы до скрежета, заставляя себя подняться на полупальцы. Колени не слушались, они вибрировали, как струны лопнувшей гитары.

— Встань в позицию, — мой собственный голос прозвучал хрипло, чужеродно в пустоте.

Я расставила руки в пятой позиции. Пальцы свело судорогой, но я не дала им разжаться. Никогда не давай. Если я упаду сейчас, то уже не встану никогда. Виктор Громов ждал этого падения. Он питался им. Но я отказывалась быть его обедом. Пока еще.

И тогда я почувствовала взгляд.

Это было физическое ощущение, словно между лопатками ткнули иглой. Я не оборачивалась. Я знала, что он там. На балконе второго этажа, в тени колонн. Его силуэт маячил где-то на границе зрения, темное пятно среди белого мрамора. Ни слова. Ни хлопка. Только присутствие. Тяжелое, оценивающее, бесконечное.

Его молчание было громче любого крика. Оно говорило: «Я вижу каждую твою ошибку. Каждую мышцу, которая дрогнет. Каждую секунду слабости».

Сердце заколотилось так быстро, что отдавало в горле. Страх смешался с яростью. Кто он такой, чтобы решать, достойна ли я воздуха? Но именно этот страх стал топливом. Я начала движение. Медленно, осторожно, проверяя опору. Приседание. Подъем. Поворот головы. Я старалась сделать каждое движение идеальным, безупречным, таким, чтобы он отвернулся от скуки. Чтобы ему стало скучно смотреть, как я страдаю.

Первый повтор аккорда прошел чисто. Второй — тоже. А на третьем стопа предательски свернула внутрь. Боль вспыхнула белой вспышкой перед глазами. Я потеряла ритм. Тело забыло счет. Пантомима превратилась в гримасу.

Нет.

Я не могла позволить себе техническую ошибку. Если красота мешала точности, я жертвовала красотой. Это было против всех правил классического балета, которые мне вбивали в голову с пяти лет. От меня требовали скрывать усилие: зритель должен видеть линию, а не работу мышц. Но сейчас, в этом аду, я ломала свои принципы, как ломают кости для нового срастания. Я стала роботом. Механической куклой. Я двигалась жестко, сухо, без улыбки, без «полета», только ради того, чтобы сохранить баланс. Чтобы не упасть.

Я видела, как тень на балконе чуть шевельнулась. Одобрение? Или насмешка? Мне было все равно. Главное — выжить до утра.

Шорох у двери заставил меня замереть посреди движения.

На пороге стоял Илья. Он выглядел жалким в своем растянутом свитере, с термосом в руках; над открытой крышкой поднимался пар. Свет от ночников резал глаза, но я видела, как он побледнел, увидев меня одну посреди огромного зала.

— Алиса, — выдохнул он. Голос сорвался. — Что ты делаешь? Ты здесь совсем одна?

Он сделал шаг внутрь, протягивая руку с термосом. Чай пах мятой и безопасностью. Домашним теплом. Жалостью.

— Уходи, — процедила я сквозь зубы, не прекращая движения. Руки продолжали рисовать линии в воздухе, ноги держали баланс.

— Посмотри на себя! Ты еле стоишь! — Илья подошел ближе, его лицо исказилось от ужаса и сострадания. — Не знаю, чего добивается Виктор этой запиской, но тебе нельзя ломать себя сегодня ночью. Давай мы уйдем. Просто выйдем в коридор. Там есть вода, есть аптечка. Пожалуйста.

Его пальцы коснулись моего плеча. Мягкие, теплые, правильные.

Я резко дернулась, сбивая его руку. Движение получилось грубым, почти ударом. Илья отшатнулся, споткнувшись о край коврика для растяжки.

— Не трогай меня, — прошипела я. В горле пересохло так, что язык прилип к нёбу. — Это мой выбор. Не твоя жалость. Не твое спасение. Ты хочешь, чтобы я была удобной? Чтобы я была нормальной? Нет. Я хочу быть нужной ему. Даже если это значит быть куском мяса.

Илья открыл рот, чтобы возразить, но слов не нашел. Он просто смотрел на меня, и в его глазах читалось то чувство, которого я сейчас не выносила: он не знал, чем ещё мне помочь.

Он не ушел. Вместо этого он сел прямо на холодный мраморный пол, спиной к стене, и достал телефон.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Тогда я буду здесь.

Он включил музыку. Тихо, почти неслышно. Ту же мелодию. Аккорд. Тот, который требовал от меня Виктор.

Звук был неправильным. Цифровой, плоский, лишенный души живого оркестра. Но он дал мне точку опоры. Ритм, к которому можно привязать свой пульс. Я закрыла глаза и позволила себе немного расслабить плечи. Под его защитой, даже такой слабой, я чувствовала себя менее одинокой.

— Тише!

Голос Виктора прогремел эхом, ударив по ушам, как пощечина.

Илья вздрогнул, палец завис над кнопкой паузы. Музыка оборвалась. Резкая тишина вернулась, став еще более звенящей.

С балкона слышались шаги. Медленные, размеренные. Виктор вышел на свет. Он был одет в чёрную водолазку, которая подчеркивала худобу его фигуры, и брюки со стрелами, которые могли бы поспорить с лезвиями. Лица я не видела, только контур челюсти и блеск глаз в полутьме.

— Я не просил саундтрек, — произнес он ровно, подходя ближе к краю балкона. — Ты танцуешь под моим контролем. Или не танцуешь вовсе. Убери свой телефон. Сейчас же.

Илья медленно убрал гаджет в карман, не поднимая глаз на своего хозяина. Его плечи поникли. Он проиграл. Опять.

Я продолжила танцевать одна: поддержки не было, музыки не было — только мое дыхание и стук сердца. Но теперь каждый вдох давался тяжелее. Мышцы начинали гореть огнем. Казалось, каждая клетка тела требует отдыха, сна, тепла. Но я не могла дать им это.

На восьмом повторе тело предало меня окончательно.

Правая нога подкосилась. Я попыталась стабилизироваться, но центр тяжести сместился слишком далеко. Мир качнулся. Я рухнула вниз, на колени. Колено ударило о мрамор с глухим, костяным звуком. Боль была острой, чистой, мгновенной. Она разлилась по телу волной тошноты.

Я перекатилась с разбитых коленей на спину. Лежала на полу, тяжело дыша, глядя в потолок. Капли пота стекали в глаза, щипали веки. Кровь? Нет, просто соль и пыль. Хотя... может, и кровь. Я не смотрела вниз.

Шаги Виктора становились все ближе. Он спускался по лестнице, медленно, наслаждаясь каждым шагом. Он знал, что я не смогу встать. Он знал, что я сломана.

Когда он оказался надо мной, я инстинктивно подняла голову. Его лицо было спокойным. Слишком спокойным. Как у хирурга, который видит пациента, но не чувствует его боли.

— Вставай, — приказал он.

Я попробовала опереться на руки, но правая сторона тела не слушалась. Спазм сковал бедро.

Виктор не помог. Он не протянул руку. Он не позвал на помощь.

Он сделал шаг вперед и поставил свою ногу мне на плечо.

Тяжелый ботинок вдавил мою ключицу в пол. Боль пронзила шею, отдавая в зубы. Я вскрикнула, захлебываясь воздухом.

— Ты не имеешь права останавливаться, пока я не скажу, что ты закончила, — проговорил он сверху, и в его голосе не было злобы. Только констатация факта. Физика. Гравитация. Воля. — Танцуй. Из положения лежа. Руки. Голова. Линия должна сохраняться.

Это было невозможно. Абсурдно. Садистски.

Но в этот момент, чувствуя вес его тела на своем плече, я вдруг поняла нечто странное. Это давление было единственным настоящим ощущением в этом мире. Оно было конкретным. Реальным. Оно не позволяло мне тонуть в собственной истерике.

Я посмотрела вверх, на него. Через боль, через унижение.

И засмеялась.

Сначала тихо, хрипло, булькая слюной. Потом громче. Смех выходил из меня вместе с воздухом, сотрясая грудную клетку. Я смеялась, потому что это было так нелепо. Так страшно. И всё ещё я ждала, когда он скажет, что получилось.

Он видел меня. Видел мою грязь, мою слабость, мою животную природу. И он не отвернулся. Он остался. Он использовал меня как инструмент, да, но инструменты не имеют чувств. А у меня были чувства. И эти чувства говорили мне: это любовь. Искривленная, токсичная, болезненная, но настоящая. Потому что он не отпускал.

Я начала двигаться. Руки скользили по мрамору, рисуя арки. Голова запрокидывалась назад, демонстрируя линию шеи. Тело извивалось, как змея под каблуком сапожника. Каждый элемент аккорда выполнялся с жуткой грацией, рожденной из агонии. Я не вставала. Я не пыталась убежать. Я танцевала свою капитуляцию.

Минуты тянулись вечностью. Мои пальцы стирались в мясо. Локти горели. Но я не останавливалась. Я искала его одобрения в каждом движении, в каждом взгляде, который он бросал вниз.

Наконец, последний элемент. Финальная поза. Руки вытянуты вперед, голова склонена, тело распластано на полу, как жертва на алтаре.

Тишина.

Виктор медленно убрал ногу с моего плеча. Шаг назад. Два шага.

— Достаточно, — сказал он.

Он развернулся и пошел к выходу. Не оглядываясь. Не предлагая помощи. Дверь распахнулась, впуская поток свежего утреннего воздуха, и хлопнулась за ним.

Илья остался у стены. Я не могла заставить себя позвать его.

Глава 5

Лежала на холодном камне, чувствуя, как кровь собирается в лужицу вокруг моих разбитых коленей. Боль была невыносимой, но внутри, в самой глубине груди, царило странное, липкое удовлетворение. Я выжила. Я прошла испытание. Я стала частью его мира.

Прошло несколько минут, прежде чем я смогла пошевелиться. Илья так и сидел у стены, обхватив колени руками, бледный как мел. Он смотрел на дверь, через которую ушел Виктор, и его глаза были полны тихого ужаса. Не за меня. За то, что я позволила этому случиться.

— Ты сумасшедшая, — прошептал он, когда я наконец села, морщась от каждого движения.

Я не ответила. Я просто смотрела на свои руки. Они дрожали.

Утро встречало меня серым рассветом за высокими окнами. Когда я наконец смогла встать, шатаясь, как новорожденный теленок, я заметила, что на полу рядом с моей кровью лежит сложенный лист бумаги.

Я подобрала его трясущимися пальцами. Почерк Виктора был четким, острым, без единой лишней завитки.

«Завтра в шесть. Новую пару найдёшь у своего шкафчика. Старые тебе больше не нужны».

Я скомкала бумагу в кулаке. Края ранили ладонь, добавляя маленькую, приятную боль к общему букету ощущений.

Старые пуанты остались у стены, куда я положила их перед танцем. На носках засохли вчерашние кровь и соль. Они стали частью ритуала. Часть меня.

А новая пара будет ждать меня завтра. И я пойду. Потому что теперь я знаю: я не могу уйти. Не потому что боюсь голода или потери места. А потому что впервые в жизни кто-то увидел во мне не девочку из глубинки, не стипендиатку, не жертву буллинга. Он увидел сталь. И он хочет, чтобы эта сталь звенела.

Пусть звенит. Пусть болит. Пусть течет кровь.

Я улыбнулась своему отражению в зеркале. Гримасничающему, изможденному, с синяками под глазами.

— До завтра, Виктор, — сказала я пустоте.

И тишина ответила мне эхом.

Мир сузился до запаха антисептика и холода кафельного пола. В раздевалке было пусто, если не считать меня и моего отражения в зеркале, которое смотрело на меня с осуждением. Щиколотки горели огнем. Ночное задание Виктора — танцевать один аккорд до рассвета — выжгло из меня всё живое, оставив только механику и боль.

Я торопливо разматывала бинт, пальцы дрожали так сильно, что узел не поддавался. Кожа под повязкой была синей, почти черной, с багровыми прожилками лопнувших капилляров. Мне нужно было скрыть это. Любой ценой.

Дверь скрипнула. Я вздрогнула, инстинктивно дергая юбку халата вниз, закрывая ноги по самые колени.

Екатерина Ланская вошла, не глядя на меня, но её присутствие заполнило комнату, как дым. Она остановилась у своего шкафчика, медленно снимая пиджак. Её взгляд скользнул по мне, зацепился за дрожащие руки, прячущие ткань, и замер.

— Приводишь себя в порядок, шлюха? — голос был сладким, как яд в конфете. — Или готовишься к очередному представлению для Громова?

Я подняла голову. Глаза жгли от слез, которые я не позволила себе уронить.

— Это личное пространство, Екатерина. Выйди.

Она не вышла. Она подошла ближе, наклоняясь, чтобы заглянуть мне в лицо.

— Ты дрожишь, — констатировала она, и в её глазах вспыхнул хищный блеск. Не презрение. Удовлетворение. — Тебя сломали, Алиса. И тебе нравится звук твоих собственных костей.

В этот момент дверь открылась снова. Илья. Он замер на пороге, держа в руках папку с нотами. Его глаза метались между мной, сжавшейся в комок, и Екатериной, стоящей надо мной нависающей фигурой.

— Катя, иди сюда, директор ждет, — тихо сказал он, но его голос был твердым щитом.

Екатерина усмехнулась, выпрямилась и бросила на меня последний взгляд, полный торжества, прежде чем уйти.

Илья сделал шаг ко мне, протягивая руку, чтобы помочь встать.

— Алиса? Что происходит?

— Не трогай меня! — рыкнула я, отбиваясь от его руки. Адреналин стыда бил ключом. — Мне не нужна жалость. Ни твоя, ни чья-либо другая.

Он отдернул руку, словно обжегшись. В его глазах мелькнуло недоумение, смешанное с тревогой. Я боялась, что он догадается, почему я отбиваюсь от его руки. Что я добровольно стала игрушкой в руках человека, который мог разбить меня одним движением.

Я схватила сумку и выбежала из раздевалки, хлопнув дверью так, что задрожали зеркала.

Репетиционный зал встречал эхом шагов. Мраморный пол блестел, холодный и безжалостный. Виктор Громов сидел на стуле у стены, скрестив руки на груди. Он даже не посмотрел в мою сторону, когда я вошла.

— Па «Лунная соната», вариация четыре, — бросил он сухо. — С начала.

Я вышла на центр. Ноги отказывались слушаться. Каждая ступня кричала от боли, но тело помнило команды ночи. Поднимись. Потянись. Замри.

Виктор начал хлопать в ритме музыки, которую слышал только он. Его темп был жестоким, быстрее, чем любой балетмейстер позволил бы травмированной ноге. Я впрыгнула в движение, чувствуя, как мышцы натягиваются до предела. Воздух вырывался из легких со свистом.

На последнем прыжке я почувствовала хруст внутри стопы. Мир качнулся. Я приземлилась идеально, корпус прямой, руки изящно расставлены. Идеальная картинка.

Но стоило музыке стихнуть, как ноги подкосились. Я рухнула на колени, ударившись о мрамор. Боль была такой острой, что перед глазами поплыли белые пятна.

Зал замер. Тишина стала физической массой, давящей на уши.

Виктор не двинулся с места. Он даже не моргнул. Просто повернул голову к Илье, который стоял у двери.

— Записать. Она справилась. Технически чисто.

Илья, стоявший у двери с блокнотом, записал результат. Я видела, как сильно он нажимает на карандаш. А я лежала на полу, глядя в потолок, где кружились пылинки в луче света. Меня не подняли. Меня оценили. Как инструмент.

Я поднялась с пола сама, хотя колени ныли, собрала вещи и вышла из зала. Илья остался у двери — он понимал, что сейчас любое его слово было бы лишним.

Коридоры училища после репетиции пустели. Я шла быстро, стараясь не хромать, но каждый шаг отдавался в голове пульсацией.

— Алиса.

Голос Ильи догнал меня у лестницы. Он преградил путь, его лицо было серьезным, без той мягкой улыбки, которая обычно сопровождала его появление.

— Покажи ноги, — сказал он тихо, но настойчиво.

— Отстань, Илья. Это просто растяжение. Само пройдет.

Он схватил меня за предплечье, аккуратно, но твердо.

— Если ты боишься Громовых, скажи мне. Я знаю их методы. Я помогу тебе уйти. У тебя есть талант, который стоит больше, чем страх.

Я вырвалась, сердце заколотилось от ужаса. Не от угрозы, а от того, насколько близко он подошел к истине. Он знал о системе контроля лучше, чем я думала. Эта информация пугала меня сильнее, чем сама жестокость Виктора. Потому что означала, что у него есть выход, а у меня — нет.

— Ты ничего не знаешь, — процедила я, отступая назад. — И не смей говорить о том, чего не понимаешь.

Я развернулась и побежала прочь, оставляя его стоять посреди коридора с растерянностью на лице.

Я больше не вернулась в залы. Обошла училище кружным путём, дала себе время остыть, и к общежитию подошла уже глубокой ночью, когда в окнах не горело ни одного яркого света.

Ночь в общежитии была тихой. Только гул вентиляции и далекое завывание ветра за окном. Я вернулась в свою комнату, ожидая увидеть закрытую дверь. Но она была приоткрыта.

Внутри сидел Виктор.

Он не двигался. В полутьме его силуэт казался высеченным из камня. В руках он держал мои старые пуанты, те, что я забыла в зале после ночного задания. Они выглядели изношенными, с потемневшими кончиками, хранящими память о крови и поту.

Я застыла на пороге, не в силах произнести ни слова. Вторжение в святая святых — мою маленькую клетку безопасности — вызвало паралич.

Виктор спокойно положил пуанты на стол рядом с лампой. Свет упал на его лицо, подчеркивая резкие скулы и тени под глазами.

— Он слишком мягок для тебя, — произнес Виктор. Его голос был бархатным и опасным. — Мягкость убивает балет. Превращает артиста в статую. Статуя не дышит, Алиса. Статуя не живет.

Я сжала кулаки, ногти впились в ладони.

— Ты следил за нами?

— Я вижу всё, — ответил он просто. — Илья предлагает тебе костыли. Я предлагаю тебе крылья. Разница очевидна.

Гнев вскипел во мне, горячий и неконтролируемый.

— Вон из моей комнаты! Ты не имеешь права...

Виктор встал. Одно движение — и он оказался вплотную ко мне. Я не отшатнулась. Я не могла. Запах его дорогого табака и холодного воздуха смешался с ароматом моих собственных страхов.

Он поднял руку. Я зажмурилась, ожидая удара или пощечины. Но вместо этого его большой палец коснулся моей щеки, там, где кожу ещё щипало от слёз. Прикосновение было легким, почти невесомым, но оно обжигало.

— Боль делает тебя честной, — прошептал он мне в губы, хотя сам не наклонялся ниже уровня моего лица. — Ложь — это когда ты улыбаешься Илье. Когда ты притворяешься, что хочешь тепла. Тебе нужен огонь. Огонь, который очистит тебя от шелухи.

От его близости у меня перехватило дыхание. Это было неправильно. Извращенно. Но в этом прикосновении была странная, искаженная форма признания. Он видел мою слабость и не презирал её. Он хотел использовать её. Переплавить.

Я открыла глаза. Виктор уже отстранился.

— Подпиши на контракте достаточно. Уходи спать. Завтра будет тяжелее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.